

Агрессия: философские и психиатрические аспекты

Распономарёва Ольга Владимировна.

”Пусты слова того философа, которые не врачуют никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезни из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души человеческой....”

Порфирий Сирийский, 232 год .

К сожалению, сейчас нельзя представить себе такую газету, журнал или программу радио- или теленовостей, где не было бы ни одного сообщения о каком-либо акте агрессии или насилия. Статистика красноречиво свидетельствует о том, с какой частотой люди ранят и убивают друг друга, причиняют боль и страдания своим ближним. Специфика активности человека состоит в том, что она постоянно протекает во взаимодействии с другими людьми или предметами, произведенными ими. И тогда, помимо природных законов, регулирующих отношения между ними, в силу вступают законы социальной жизни, иногда закреплённые в виде жестких предписаний (правил), а чаще всего в виде - нравственных норм, допускающих известную вариативность отношений между людьми в первую очередь.

В связи с этим в регуляцию человеческих взаимоотношений включается система оценок действий и поступков друг друга, а также собственных усилий, предпринимаемых по отношению к другим людям. Относительность этих оценок обсуждалась на протяжении существования всего человечества в философии, религии, литературе и юриспруденции, отражая привычную для человеческих отношений неоднозначность устанавливаемых норм. То, что с точки зрения одного человека представлялось необходимым, с точки зрения другого человека может считаться неприемлемым и даже вредным; то, что приемлемо в одной культуре, может оказаться чуждым и порочным для другой. Одной из важнейших характеристик действий и поступков, определяющих устанавливаемые взаимоотношения между людьми, а также эффективность индивидуального личностного развития, является *агрессивность*, как черта характера, а также *агрессия*, как действие индивидуума. Именно агрессивное поведение в свете последних мировых тенденций развития всевозможных вооружённых конфликтов и роста насилия относится к числу наиболее серьёзных проблем, перед которыми сегодня оказалось цивилизованное человечество. На протяжении веков лучшие умы человечества занимали вопросы: почему люди действуют агрессивно и какие меры необходимо принять для того, чтобы предотвратить или взять под контроль подобное деструктивное поведение? Что есть разрушительное в человеке, каковы истоки произрастания зла в человеке как индивидууме, в социуме, в истории, в жизни всего человеческого рода. Вроде. В древнейшей философии мы находим полярные точки зрения на эту проблему. Китайский философ Мен-цзы полагал, что человек изначально добр. Заставлять человека творить зло - значит принуждать человека совершать нечто противоестественное. Он говорил: *”Человечность - это сердце человека, ибо он добр от природы своей.”* Но в то же время другой китайский мыслитель Сюнь-цзы высказывает противоположную точку зрения: *”Человек имеет злую природу.”* В истории толкования метафизики зла сильны философско-антропологические традиции. *”Существование зла,- отмечал Н.А. Бердяев в своей книге “О назначении человека”,- есть величайшая тайна мировой жизни и величайшее затруднение для официальной теологической доктрины и для всякой монистической философии”.* К настоящему времени на многие вопросы философы попытались дать

ответ на данные вопросы, но глубинные корни агрессивного поведения среди людей раскрываются сложным комплексом гуманитарных дисциплин прежде всего таких как психология, этология и социобиология. Этология видит истоки исток агрессивного на просто в удовлетворенности витальных потребностей (пищевых, сексуальных, и пр.), а в сложном противоборстве мотивов, в конфликте витальных потребностей со стремлением доминировать в сообществе, занять более высокое место во внутривидовой иерархии. Возникающий при этом конфликт мотивов вызывает психическую напряженность и прорывается в тех или иных агрессивных формах поведения.

Вышедшая в 1963 году и переведенная на многие европейские языки, первая философская книга выдающегося ученого-этолога Кондрада Лоренца "Агрессия (так называемое зло)" была призвана выполнить одну из трудных задач, а именно, соединить в себе весь тот накопившийся многовековой опыт, который заключался в этологии и этике ненасилия, развитой такими выдающимися мыслителями двадцатого столетия как Л.Н. Толстым, М.Ганди, М.Л.Кингом. Опираясь на естественно-исторический метод, Лоренц в своей книге, изучив агрессивное поведение в популяциях животных и проведя исследования агрессивности и проявлений агрессии в современном цивилизованном человеческом сообществе, пришел к неоднозначным выводам. Объединение методов натуралистического изучения агрессивности как инстинкта животных с эволюционным подходом к формам агрессивного поведения животных позволило

Лоренцу не только дать широкий панорамный обзор различных типов общественной организации в мире животных, но и по-новому осмыслить роль морально-этических норм в модификации и базовой переориентации такого понятия как агрессия вообще. Работа Кондрада Лоренца является базовым фундаментом в развитии этологии как одной из научных дисциплин. Лоренц не только осуществил сравнительный анализ поведенческих предикторов животного мира, а также впервые высказал мысль, что агрессивное поведение является конечным продуктом в длинной цепи внутренней мотивационной системы напряженности, которую в последствии он назовет "фрустрирующими моментами" или просто "фрустрацией", а также конфликта различных мотивов, находящих свое выражение в агрессии. Анализируя агрессивное поведение в различных популяциях разных видов животных, Лоренц решил сопоставить свои наблюдения с поведением в человеческом сообществе, и пришел к неоднозначному выводу о том, что эмоции и поступки людей в тех или иных ситуациях являются филогенетически измененной программой на генетическом уровне, т.е. унаследованной нами из глубины веков от наших первобытных предков. Таким образом, агрессия является проявлением одного из основных инстинктов - инстинкта борьбы за существование внутри видовой популяции как у животных, так и у человека. Этология знает много причин возникновения агрессии в развитии естественном развитии живого мира, что представляется возможным позволить говорить о некоторых из причин нарушений агрессивности как инстинкта непосредственно у человека. Естественно, что понять причину заболевания - это еще не означает, что представляется возможным найти эффективный способ лечения, но это является одной из предпосылок успешной терапии. Очевидно, что чем многограннее система - тем труднее ее исследовать и объяснить; между тем структура взаимодействий инстинктивных и социально обусловленных способов поведения, составляющих общественную жизнь человека, несомненно, является сложнейшей системой, какую мы только знаем на нашей планете. Отдельные элементы системы изучить в полной мере не представляется возможным, так как составить полное представление о данном элементе можно лишь во взаимодействии, иначе мы можем получить неверное представление далекое от истины или же ничего так и не поймем. Лучше всего эту мысль иллюстрируют слова Гете: *"Высшее счастье мыслящего человека - постичь постижимое и спокойно почитать непостижимое"*.

Являясь по сути своей техногенной цивилизацией, человечество в ходе своего эволюционно-исторического развития, возможно, могло встать на путь самоуничтожения уже в эпоху первых великих открытий, если бы не одно замечательное совпадение или свойство человеческого разума - это возможность появления на свет открытий и изобретений всякого рода, а также одновременно великий дар ответственности в равной степени являются плодами одной и той же сугубо человеческой способности или черты характера: задавать самому себе вопросы о последствиях своих поступков и отвечать на них. Этот уникальный дар не принес, к сожалению, человечеству гарантий против самоуничтожения, так как человечество многолико и соблюдение морально-этических догм не присуще, увы, каждому индивидууму в отдельности. С течением времени человечество, приобретая опыт и все более социализируясь, отходит от законов природы, где агрессия поощряется как один из факторов внутривидового отбора, вырабатывает моральную ответственность за жизнь человека и вытекающие из нее запреты убийства. Но в равной степени возросла и легкость убийства, т.е. технические возможности нашего времени позволяют совершать убийства так, что убийцу не тревожит сам факт содеянного. Расстояние, на котором действует все огнестрельное оружие спасает убийцу от раздражающей ситуации, которая в другом случае оказалась бы в чувствительной близости от него, во всей ужасной отвратительности последствий. Эмоциональные глубины нашей души просто не принимают к сведению, что сгибание указательного пальца при выстреле смертельно разрушает внутренности другого человека, ведь ни один психически нормальный современный человек не пошел бы даже на охоту, если ему пришлось умерщвлять диких животных при помощи исключительно только своих зубов, ногтей и силы рук. И только тогда, когда становится возможным поставить преграду, своеобразную изгородь, чтобы лишить нас чувственного представления ужасной картины происходящего убийства, тогда человек, который едва смог бы дать вполне заслуженный шлепок расшалившемуся ребенку, вполне может решиться и хладнокровно нажать пусковую кнопку ракетного ядерного оружия или открыть бомбовые люки, обрекая тем самым на мучительную смерть тысячи людей. Возрастающая готовность к агрессивному поведению является поведением у современного человека является характерным проявлением недостаточной разрядки инстинктивных агрессивных побуждений, а также закономерным явлением в скученности современных мегаполисов, где при наибольшем скоплении людей на единицу пространства, человек чувствует себя парадоксально одиноким.

Уже само увеличение количества индивидов, должно иметь два результата, которые нарушают равновесие между важнейшими инстинктами взаимного притяжения и отталкивания, т.е. между личными узами и агрессией. Невозможно представить себе наличие у одного человека одновременно много друзей, с которыми его связывают тесные узы близких и теплых отношений. Старинная мудрая пословица гласит, что по-настоящему хороших друзей у человека быть много не может. Большой "выбор знакомых", который неизбежно проявляется в каждом более крупном сообществе, уменьшает прочность каждой отдельной межчеловеческой связи, а также скученность множества индивидов на малом пространстве приводит к притуплению всех социальных реакций. Каждому из нас знакомо тревожащее открытие, что уже не испытываешь той радости, как ожидал от посещения друга, даже если действительно любишь его и давно не видел, замечаешь в себе отчетливую склонность к недовольству, когда после ужина звонит телефон. Чем больше развивается цивилизация, тем менее благоприятны предпосылки для проявления нашей естественной склонности к социальному поведению, а требования к нему неуклонно возрастают: мы должны обращаться с нашими "ближними" как с лучшим другом, более того, с помощью своего разума мы можем прекрасно осознавать, что обязаны любить даже врагов наших,- естественные склонности никогда бы нас до этого не довели... Однако, человек не смеет следовать своим врожденным склонностям, а должен учиться властвовать над ними и ответственно контролировать их проявления. Можно

ожидать, что цивилизация будет развиваться все более ускоренным темпом,- хотелось бы надеяться, что культура не будет от нее отставать, и в тоже мере будет возрастать и становиться все тяжелее бремя, возложенное на ответственную мораль. Расхождение между тем , что должен сделать человек для общества, и тем , что общество от него требует будет расти и ответственности будет все больше и больше.. Мораль - приспособливает наше инстинктивное наследие к требованиям культурной жизни и образует с ними единую функциональную систему, выполняя роль “некоторого компенсаторного механизма”. Кто ведет себя социально уже по естественной склонности, тому в обычных обстоятельствах почти не нужны механизмы компенсации, а в случае нужды он обладает мощными моральными резервами. Мораль легче всего отказывает не под влиянием , одиночного, чрезмерного и резкого испытания , а легче всего происходит истощающего длительного нервного напряжения любого рода. Заботы, нужда, голод, переутомление, крушение надежд, повседневный страх - все это действует одинаково, и под действием этого внезапно и непредвиденно может наступить моральная декомпенсация. Одни, внушавшие до этого уверенность ломаются , а другие, не внушившие чувства основательности держаться с немим вопросом: “ *До коле, господи ?*”

В соответствии с этикой Иммануила Канта, только внутренний закон человеческого разума , сам по себе порождает категорический императив в качестве ответа на “ответственный вопрос к себе”. Кантовы понятия “разум, рассудок”и “ум, интеллект” отнюдь не идентичны. Для него само собой разумеющееся, сто разумное создание просто не может причинить вред другому, подобному себе., иными словами “ум” - это существование высоко ценимых социальных связей между всеми разумными существами. Тут появляется лазейка, через которую в изумительное здание его умозаключений - чисто рациональных- может прорваться чувство; иными словами - инстинктивная мотивация.

Кант и сам не верил, что человек удерживается от каких-либо действий, к которым его побуждают естественные склонности , чисто разумным пониманием противоречия в нормах его поступков. Совершенно очевидно, что необходим еще и эмоциональный фактор, чтобы преобразовать чисто рассудочное осознание в императив или запрет только ощущение ценности, только чувство присваивает знак “плюс” или “минус” ответу на наше “категорическое самовопрошание”. Если человек задает себе категорический вопрос Канта:” *Могу ли я норму своего поведения возвысить до уровня естественного закона, или при этом возникло бы нечто, противоречащее разуму ?*”, - все поведение, в том числе и инстинктивное , окажется в высшей степени разумным; при условии, что оно выполняет задачи сохранения вида, рада которого было создано великими конструкторами эволюции. Противоразумное возникает лишь в случае нарушенной функции какого-либо инстинкта. Отыскать это нарушение - задача категорического вопроса, а компенсировать - категорического императива. Если инстинкты действуют правильно то, “ по замыслу конструкторов”, вопрос к себе не может отличить его от *Разумного*. Если мы уберем из нашего жизненного опыта эмоциональное чувство ценности, если для нас не будут представлять ценности сам человек, человеческая жизнь, человечество в целом, то самый безукоризненный аппарат нашего интеллекта останется мертвой машиной без мотора. Сам по себе он в состоянии дать лишь нам средства к достижению каким-то образом поставленной цели, но не может ни определить эту цель, ни отдать приказ к ее достижению. Переориентирование агрессии - это самый простой и самый надежный способ обезвредить ее. Она довольствуется эрзац-объектами легче , чем большинство других инстинктов и находит в ней полное удовлетворение. Еще древние греки знали понятия “катарсиса” какочищающей разрядки; а психоаналитики знают, какая масса похвальнейших поступков получает стимулы из “сублимированной” агрессии, и приносит добавочную пользу за счет уменьшения.

Особой ритуализированной формой борьбы, развивавшейся в культурной жизни людей является спорт, так как он подобен филогенетически возникшим турнирным боям предотвращает социально вредные проявления агрессии и одновременно поддерживает в состоянии готовности ее функцию сохранения вида. Однако, кроме этого, эта культурно-ритуализированная форма борьбы выполняет задачу важность, которой не с чем не сравнить: она учит людей сознательному контролю, ответственной власти над своими боевыми инстинктивными реакциями. Рыцарственность спорта, которая сохраняется даже при сильных раздражениях, вызывающих агрессию, является важным культурным достижением человечества. Кроме того, спорт благотворен в том смысле, что создает возможности поистине воодушевленного соперничества между сообществами. Он не только открывает замечательный клапан для накопившейся агрессии в форме ее более грубых, более индивидуальных и эгоистических проявлений, но позволяет полностью проявиться и израсходоваться в ее более специализированной сугубо коллективной форме. Поисками большего максимально международного и максимально опасного соперничества являются космические полеты, которые именно поэтому привлекают такой огромный общественный интерес. Такое соперничество между нациями благотворно не только потому, что дает возможность в разрядке национальному воодушевлению, оно имеет еще два следствия уменьшающие опасность войны. Во-первых оно создает личное знакомство между людьми разных наций и партий, а во-вторых - объединяет людей тем, что они воодушевляются одним и тем же идеалом.

Личное знакомство - это не только предпосылка сложных механизмов тормозящих агрессию, анонимность значительно облегчает прорывы агрессивности. Даже для незначительное совпадение взглядов на то, что именно является вдохновляющими ценностями, достойными защиты, может уменьшить национальную вражду и принести согласие. Существуют два дела, значительных и в подлинном смысле общечеловеческих, - которые объединяют прежде разобщенные или даже народы общим воодушевлением ради одних и тех же целей. Это искусство и наука. Ценность их неоспорима. Кроме того, музыка и изобразительное искусство не знает языковых барьеров. Наука, также как искусство представляет собой неоспоримую и самостоятельную ценность. В отличие от искусства она не является непосредственно общедоступной. Наука - это ведь не что иное, как применение здравого человеческого разума, далекой ее от жизни никак не назовешь.

Совершенно верно, что человек может воодушевиться абстрактной истиной, но все-таки она остается суховатым, скучноватым идеалом и поэтому хорошо, что для ее защиты можно привлечь другой поведенческий акт человека - антагонистичный скуке смех.. Он во многом подобен воодушевлению и в своих особенностях, свойственных инстинктивному поведению, и в своем эволюционном происхождении от агрессии, но главное - в своей социальной функции. Как воодушевление во имя одного и того же идеала, так и смех по одному и тому же поводу создает чувство братской общности. Способность смеяться вместе - это не только предпосылка настоящей дружбы, но и почти уже первый шаг к ее возникновению. Если человек не может смеяться вместе с остальными, он чувствует себя исключенным, если даже смех не направлен против его самого и вообще против чего бы ни было. Если кого-то высмеивают - здесь еще более отчетливо выступает агрессивная составляющая смеха. Несмотря на эти качества, смех - это серьезное оружие, которое может причинить много вреда, если незаслуженно бьет беззащитного. Смех можно сознательно и целенаправленно обратить против своего врага.

Поскольку в процессе эволюции агрессия должна быть заморожена, чтобы дать возможность быстрого мирного взаимодействия индивидов, возникли узы любви и дружбы. Вновь возникшие уже сегодня условия жизни человечества категорически требуют появления такого тормозящего механизма, который бы запрещал проявление

агрессии не только по отношению к нашим личным друзьям, но и по отношению ко всем людям вообще. Из этого вытекает само собой разумеющееся, словно у самой Природы заимствованное требование:” *Любить ближнего, без оглядки на личность, ибо все люди - братья!* “Это требование не ново, разумом мы понимаем его необходимость, чувством мы понимаем его возвышенную красоту, но так уж мы устроены, что выполнить его не можем. Истинные теплые чувства мы в состоянии испытать только лишь к отдельным людям, и самые благие намерения ничего не могут здесь изменить. Но сила человеческого разума это сделает. Разум приведет в движение разумный отбор. “*Я верю, что наши потомки, станут способны выполнять это величайшее и прекраснейшее требование подлинной Человечности,*” - такой *Человечности,*” - такой оптимистичной чертой заканчивает свою работу К. Лоренц.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать следующее, что теория Лоренца покоится на двух фундаментальных посылах: первая - это гидравлическая модель агрессии, которая указывает на механизм возникновения агрессии. Вторая - идея , что агрессивность служит делу самой жизни, способствуя выживанию индивида и всего вида . Из предположений Лоренца выводится силлогизм: человек является агрессивным, ибо он таковым был, а агрессивным он был, так как он таков есть. Лоренц объединил в своей теории два элемента. Первый состоит в утверждении, что звери, как и люди, наделены врожденной агрессивностью, которая движет борьбой за выживание, причем, оборонительная, т.е. защитная агрессивность не спонтанна и не постоянна, а представляет собой реакцию на угрозу витальным интересам соответствующего живого существа. Вторым элементом (тезис о гидравлическом характере накопившейся агрессии) помогает Лоренцу объяснить жестокие и разрушительные импульсы человека; правда, для доказательства этого предположения у него не так много аргументов и фактов. Как способствующая жизни , так и разрушительная агрессия подводится под одну категорию, и единственное, что их объединяет, - это слово “агрессия”.

Ясность в проблему, в противоположность Лоренцу внес Тинберген:” *Человек с одной стороны , сродни многим видам животных, особенно животных, особенно в том, что он ведет борьбу с представителями своего собственного вида. Но с другой стороны, среди многих тысяч биологических видов , борющихся друг с другом, только человек ведет разрушительную борьбу... Человек уникален тем, что он составляет вид массовых убийц; это единственное существо, которое не годится для собственного общества. Почему же это так?* “Н.Тинберген предупреждал, что исследователь, опирающийся на метод аналогии подвергается целому ряду опасностей; особенно, если для сравнения берутся физиологические явления из низшей ступени эволюции., если выводы о простейших формах поведения организмов более низкого уровня нервной организации используются для обоснования теорий о механизмах поведения высокоорганизованных структур.

Теория Зигмунда Фрейда была первой ступенькой к преодолению прежних теоретических построений. В своих работах Фрейд уделял феномену агрессии как таковой сравнительно мало влияния, считая сексуальность (либидо) и инстинкт самосохранения главными преобладающими силами в человеке. Однако в 20-е годы он полностью отказывается от этого представления. Уже в работе “Я и Оно”, а также во всех последующих трудах он выдвигает новую дихотомическую пару: влечение к жизни (эрос) и влечение к смерти (танатос) .Сам он описывал новую стадию своего теоретизирования следующим образом: “ *Размышляя о происхождении жизни и развития разных биологических систем, я пришел к выводу, что наряду с жаждой жизни (инстинкт живой субстанции к сохранению и приумножению) должна существовать и противоположная страсть - страсть к разложению живой массы, превращение живого в первоначальное неорганическое состояние. От есть наряду с эросом должен существовать инстинкт смерти*”. Инстинкт смерти направлен против самого живого организма и потому является инстинктом либо саморазрушения, либо

разрешения другого индивида (в случае направленности во вне). Если инстинкт смерти оказывается связан с сексуальностью, то он находит свое выражение в формах садизма или мазохиза. И хотя Фрейд неоднократно подчеркивал, что интенсивность этого инстинкта можно редуцировать, основная же теоретическая предпосылка его гласит: человек одержим одной лишь страстью - жадой разрушить либо себя, либо других людей, и этой трагической альтернативы ему вряд ли удастся когда-либо избежать. Из своей гипотезы о влечении к смерти следует сделать лишь один вывод, что агрессивность по сути своей является не реакцией на раздражение, а представляет собой некий постоянно присутствующий в организме весьма подвижный импульс, обусловленный самой конституцией человеческого существа, самой природой человека. Большинство психоаналитиков, взяв на вооружение теорию Фрейда, воздержались от восприятия той части учения, которая говорит об инстинкте смерти, возможно, потому, что она выходит за рамки механистического биологического мышления, согласно которому все "биологическое" автоматически отождествляется с физиологией инстинктов. Еще за долго до Фрейда Ч. Ломброзо и Ферреро считали, что существует "врожденная криминальность индивида", которая обуславливает "аффективно-агрессивную готовность". Альфред Адлер в своих работах указывал на несоответствие прежней дуалистической пары Фрейда (либидо и инстинкт самосохранения), указывая на несоответствие примером существования таких сексуальных перверзий как садизм, и высказывал предположение о возможном существовании инстинктивного стремления к смерти. Адлер отрицал "врожденную криминальность", считая что в криминальной агрессии нет ничего, кроме инстинкта агрессии, повышенного из-за чувства неполноценности индивида.. *И что именно из-за злонамеренных желаний и после открыто агрессивного периода, потерпев какое-то поражение или предчувствуя его, индивид, особенно с аномально сформированными чертами характера, будет более настойчиво приводить к этого чувства неполноценности извлекаются линии эгоцентрических. всеобщим моделям морали свои эгоистичные, жестокие, brutальные и насильственные черты,"* - писал Адлер в своей работе "О нервическом характере".

Это дало Фрейду возможность применить понятие "танатоса", как "жажды разрушения" противоположной сексуальности, к понятию агрессии, но и при этом он несколько завуалировал сам феномен агрессии, распространив это понятие на совершенно разные типы агрессии, и таким образом сведя все эти типы к одному единственному инстинкту. Это противоречит натуралистическим наблюдениям, так как следуя ей, у менее агрессивных животных мы должны обнаруживать более частую смертность, что эмпирически не имеет подтверждений.

В "Групповой психологии и анализе "Я" Фрейд обращается к книге французского врача и социопсихолога Гюстава Ле Бона "Психология толпы". Лебон утверждает, что, когда человек становится частью группы, он регрессирует к примитивному психическому состоянию. Действуя как отдельное разумное существо, как индивид достаточно морализованный и социопослушный, человек подчиняется этическим нормам и ведет себя согласно законам общества, в котором живет. Однако, тот же индивид, действуя в обширной группе (Ле Бон называл ее "толпой"), становится частью этой толпы; он теряет себя не только как личность; он регрессирует к примитивному психическому состоянию, подчиняясь слепым инстинктам он может вести себя как варвар, склонен к насилию и лишается критического отношения к своим действиям, руководствуясь эмоциями и теряя нравственные ориентиры и ограничения. Его исключительное и индивидуальное исчезает, и вместо этого начинает преобладать неосознаваемое психическое наследие предков. Как на вспомнить вопроса, не дававшего покоя Франческо Петрарки: *"Всякий, кто стремится отделиться из общего стада, становится общественным врагом. Почему, скажите на милость?"* - и своеобразного изречения Блеза Паскаля, которое отчасти может служить ответом на этот вопрос: *"Почему люди следуют за большинством, подчиняясь*

слепо толпе? Потому ли, что оно может быть право? Нет, тысячу раз нет, просто толпа в безумии своем обладает силой...”

Диаметрально противоположную инстинктивизму позицию занимают представители теории Среды, так как утверждают, что человеческое поведение формируется исключительно под воздействием социального окружения, т.е. определяется не “врожденными”, а социально - культурными факторами. Это касается агрессивности, которая является одним из главных препятствий на пути человеческого прогресса.

Уже философы - просветители рьяно отстаивали эту идею в самой радикальной ее форме. От Зенона и Клеанфа, Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия говорили о рождении человека разумным, а следовательно свободным духом с исчезновением из души стремлений к попиранию себе подобных, из которого проистекает всякое зло, ибо человек рождается с стремлением нести добро в этот мир. Они утверждали, что человек рождается добрым и разумным. И если в нем и развиваются дурные наклонности, то причиной тому - дурные обстоятельства, дурное воспитание и дурные примеры. Джон Локк считал, что *“благожелательность, заложенная в человеке природой изначально, обеспечивает изначально, обеспечивает нравственные мотивы поведения и ведет благоразумному отношению к ближним и созданию добра вокруг себя”*, а религиозно-нравственные заповеди только несут ему деятельную поддержку. Подобный оптимизм господствует в этике Г.В. Лейбница. В своей книге “Опыты теодицеи” он пишет следующее: *“Человек по природе добр. Злое и разрушительное в нем - не положительная действительность, но ограничение, недостаток, возникающий из сбивчивого представления, таким образом, в основе коренящийся в самом мировом порядке, но уничтожаемый в нем через последовательный ряд существ. Тот же закон гармонии и непрерывности, который связывает существа друг с другом и в отдельных монадах пробуждает стремление от смутных представлений к представлениям ненависти переходить к представлениям доброты, побуждает человека любить своих ближних и помогать им, в нем же самом закладывается потребность к совершенствованию.”*

Эти философы в отличие от ученых-бихевиористов имели в виду вовсе не манипулирование сознанием, не методы социальной инженерии, а социальные и политические изменения самого общества. Они верили, что “хорошее общество” обеспечит формирование хорошего человека или, по крайней мере, сделает возможным проявление его лучших природных качеств. Как и представители логического позитивизма в философии, бихевиористы выносят за скобки: *“Всесубъективные факторы, которые не поддаются непосредственному наблюдению, такие как: ощущение, восприятие, представление, влечение и даже мышление и эмоции, коль скоро они имеют субъективную природу,”* - писал основатель бихевиоризма Д.В. Уотсон. На пути своего развития от чуть наивных формулировок Уотсона до филигранных необихевиористских конструкций Скиннера это учение претерпело довольно заметные изменения. Психология Б.Ф. Скиннера - это наука манипулирования поведением; ее цель - обнаружение механизмов “стимулирования”, которые помогают обеспечивать необходимое “заказчику” поведение. Вместо условных рефлексов павловской модели Скиннер говорит о модели *“стимул-модель-стимул-реакция.”* Иными словами, это означает, что безусловно-рефлекторное поведение приветствуется и вознаграждается, поскольку оно желательно для экспериментатора. Скиннер считает, что похвала, вознаграждение являются более сильным и действенным стимулом, чем наказание. В результате такое поведение закрепляется и становится привычным для объекта манипулирования и что путем правильного применения *“позитивных стимулов”* можно в невероятной степени менять поведение как животного так и человека - и это даже вопреки тому, что некоторые слишком смело называют *“врожденными склонностями”*. Агрессивность, как и другие формы поведения

, является благоприобретенной и определяется тем, что человек стремится добиться максимального преимущества в обществе себе подобных.

Ученый-бихевиорист А.Басс определяет агрессию как *“поведение, вызывающее раздражение и наносящее ущерб другим организмам.”* Он не включил в определение агрессии такой важный элемент как намерение (мотив), так как это, во-первых, прежде всего - целенаправленное действие, устремленное к будущей цели, а это несовместимо с бихевиористскими взглядами, а во-вторых, это понятие трудно применить согласно данной теории вообще.” *В целом категория намерения очень сложна для анализа; к тому же агрессивное поведение в большей мере зависит от последствий стимулирования, именно они определяют возникновение и интенсивность агрессивных реакций. То есть, иными словами, речь идет о том, чтобы определить какие виды стимулов вызывают агрессивное поведение,*” - писал Басс в своей книге “Психология агрессии”, отказываясь от психоаналитического подхода к проблеме. Основываясь на этом другой бихевиорист Л.Беркович также не отвергает идею мотивированных чувств, он модифицирует ее, описывая теорию “агрессии - фрустрации”, демонстрируя тем самым больше понимания эмоциональных состояний человека, чем Скиннер, хотя в целом он и поддерживает главный принцип Скиннера, гласящий, что объектом научного наблюдения является действие, а не действующий человек.

Эрих Фромм в своей работе “Анатомия человеческой деструктивности” обобщил многочисленные попытки различных исследователей дать целостное представление о реформированном психоанализе, о специфике философско-антропологической рефлексии в панораме биологических, психологических и антропологических учений. Разрушительное в человеке философски переосмыслено Фроммом как проблема зла в индивиде, в социуме, в истории, в жизни человеческого рода. Феномен разрушительности выступает, с одной стороны, как некая тайна, разгадать которую весьма затруднительно. Деструктивность - это отклик человека на разрушение нормальных человеческих условий бытия. Фромм делает поразительный и парадоксальный на тот момент вывод: человеку нет нужды перерастать всю дочеловеческую историю, такую историю, так как агрессия вовсе не является результатом непрожитой жизни, залогом самоуничтожения (ранний взгляд на проблему деструктивности в работе “Бегство от свободы”), а есть *“благоприобретенное свойство”*, и человек - не разрушитель по самой своей природе. Именно история совершила человека, породив человека, породив в нем погромные и погибельные страсти. Общая тенденция энциклопедического труда Фромма - доказать вменяемость личности, показать, что истоки нравственности, равно как и деструктивности, следует искать в человеческой свободе. Однако сама свобода - весьма сложный феномен. Она есть не соращение человека, а мера его ответственности. Люди по своему обыкновению, чтобы успокоить свою совесть, вину за собственную деструктивность перекладывают на врожденные нейропсихологические механизмы. Фромм не оставляет человеку этого убежища: поведение человека, с его точки зрения, не регулируется некими врожденными, спонтанными и самонаправляющимися стимулами. Оказывается свобода - это удел немногих. Еще Ницше и Кьеркегор обратили внимание на тот факт, что большинство людей не способны на личностный поступок, т.е. воспользоваться этой свободой при помощи духовных усилий и напряжения воли, они мелки и безлики, предпочитая пользоваться устоявшимися в обществе духовными стандартами, тем самым выказывая свое нежелание следовать свободе. Фромм рассматривает феномен бегства от свободы, как порождающий разрушительность, так как именно воздержание от собственной воли, неготовность воспользоваться плодами человеческой субъективности парадоксальным образом приводит к агрессии в том или ином проявлении. Раб и конформист только по видимости социально благодетелен, так как задушенная внутренняя свобода рождает в нем синдромы насилия, которые принимают самые уродливые формы проявления.

Фромм исходит в своей работе из тезиса о первичности психических процессов, которые во многом определяют структуру социальных феноменов в истории человечества. Философ показывает, как неповторимый экзистенциальный склад личности вписывается в конкретный социальный фон, оказывающий воздействие на индивида, преобразующий его потребности, вырабатывающий социальные характеры, подчеркивая тем самым, что проблема деструктивности должна рассматриваться с биосоциальной точки зрения. Феномен деструктивности в данном случае выступает как парадоксальная проблема, крайне важная для философско-антропологического мышления. С позиции всесторонне обоснованной концепции Фромм критикует расхожий тезис о том, что агрессивное поведение людей имеет филогенетические корни, оно запрограммировано в человеке, связано с врожденным инстинктом. Такова, мол, природа человеческая и тут, как говорится, ничего не попишешь. По мнению же Фромма, проявление человеческой деструктивности относится скорее к истории, нежели к предыстории. *“В предыстории. В том-то и дело,- пишет он - что человек отличается от животных именно тем, что он убийца.”*

Фромм пытается объединить в контексте биосоциального существования человека, казалось бы, диаметрально противоположные точки зрения в психологии на проблему агрессивности и насилия: инстинктивную - возводящую все разрушительное в человеке к докультурному животному началу, и бихевиористскую - всецело возводящую деструктивность из социального окружения. Огромную методологическую ценность имеет различие Фроммом доброкачественной и злокачественной агрессивности. Первая отчасти восходит к миру человеческих инстинктов, вторая уходит своими корнями в человеческий характер, в человеческие страсти, за которыми стоят побуждения отнюдь не природного, а скорее экзистенциального свойства. *“Страсти человеческие... Они возобновляются в каждом поколении и вместе с тем сохраняют свою цельность на фоне любой эпохи. Любовь, страх, вера, властолюбие, фанатизм, жажда мщения, ненависть... Не они ли правят миром? Не через них ли проступает человеческое бытие? Проницательные мудрецы, писатели, философы все времен и народов стремились взглянуть в человека, захваченного сильнейшим порывом, войти в мир тончайших душевных переживаний, распознать в них тайны жизни...”* По мнению Фромма, инстинкты суть категория чисто натуралистическая, когда как страсти, укорененные в характере человека, суть категория социобиологическая. Фромм показывает, что человеческие страсти менее всего можно уподобить психологическим комплексам. Они как раз выражают попытку человека преодолеть банальное сосуществование во времени и перейти в трансцендентное бытие. Деструкция социальных отношений порождена ситуацией, когда человек сталкивается с невозможностью реализовать свои потребности, в результате чего возникают деформированные стремления и влечения. Фромм выделяет характерные психологические механизмы, которые создают основу каждого классифицированного им типа ориентации - мазохистского, садистского, деструктивного и конформистского. Люди, одержимые мазохистскими тенденциями, стремятся тенденциями, стремятся не утверждать себя, утверждать себя, не делать того, чего им хочется самим, а подчиниться действительным или воображаемым приказам внешних приказам внешних сил. Часто они попросту не способны испытывать чувство “я хочу”, чувство собственного “Я”. Жизнь в целом они ощущают как нечто как нечто подавляюще сильное, непреодолимое и неуправляемое.

В авторитарном характере можно обнаружить и прямо противоположные наклонности - садистские. Они проявляются слабее или сильнее, могут быть осознанными и полuosознанными. Глубочайшее открытие Фромма, обоснованное им во многих работах, состоит в том, что подлинные корни садизма в отнюдь не в деформации полового чувства. Данная склонность, так же как и мазохизм, имеет поразительное личностное выражение. Иначе говоря, человек оказывается садистом

вовсе не потому, что его любовное чувство подверглось деформации, таков по природе своей и вне пределов любви. Этот человек хочет контролировать и мучить унижать другого. Это его сокровенное побуждение, которое находит выражение не только в сексуальной сфере. Не смиряясь с собственной ограниченностью, смертный и недалекий человек силится утвердить в мире свое всемогущество. В результате - душевный разлад, утрата контактов с людьми, насилие над собой и другими, сменяющееся бессилием, ведущим к неизбежной социальной, а то и физической гибели. Садизм и мазохизм это уравнение с одним обездоленным, так как для любви нужны двое, а здесь участие отнюдь не равноценно.. Именно здесь обнаруживаются свойства удивительной человеческой натуры: когда один непременно хочет властвовать над любимым, причиняя ему порой невыносимые душевные и физические страдания, другой же добровольно несет на себе бремя любви агрессора безропотно подчиняясь, то по сути своей несет оттенок аутоагрессивного поведения. По мнению Фромма, эта тенденция к подавлению своих чувств и стремления к личностному росту ведет распаду энергии, которая должна быть направлена к проявлению себя как личности в жизни, или превращает ее в разрушительную. Иными словами, стремление к жизни и тяга к деструктивности связаны обратной зависимостью. Чем больше проявление стремления к жизни, чем более полнокровно реализуются планы жизни, тем слабее в индивиде разрушительные тенденции.

В психике человека - это одна из важнейших констатаций Фромма - заложены обе тенденции: любовь к жизни и любовь к смерти.. Однако, конкретный человек оказывается ближе к той или иной ориентации., то есть он может стать биофилом или некрофилом. Когда человек утрачивает стремление к жизни, то торжествует инстинкт смерти ведущий к разрушению личности.

Биофил - это определенный психологический тип, глубинная жизненная ориентация которого, оптимизм и наслаждение жизнью пронизывает все существо человека. Биофил в отличие от жизнелюба, не способен к тому, чтобы "разъять" действительность, увидеть ее в одном измерении. Принимая ее целостно, ощущая при этом всю сложность течения жизни, он ориентирован на все, что противостоит смерти. Некрофил - это антипод биофила, это понятие у Фромма имеет более глубокий смысл, нежели в официальной медицине, где под этим термином понимают сексуальное влечение к трупу. Некрофила неудержимо влечет ко всему, что не растет, движется, не меняется, и движет его поведением не только тяга к омертвелому, но и стремление разрушить все живое, все жизнеспособные процессы и чувства хотел превратить в вещи, опредметить. Жизнь с ее неконтролируемой непредсказуемостью пугает некрофила, ибо в ней нет места механистическому устройству. Некрофил скорее расстанется с своей собственной жизнью, нежели с вещами, обладающими для него высшей ценностью. Некрофильские тенденции демонстрируются не только отдельными людьми, но и деперсонализирующим укладом повседневной жизни, они глубочайшим образом внедрились во внутренний слой индустриальной культуры, для которой характерно *патологическое низкопоклонство*. Не случайно современная техника проявила свою эффективность не только в сфере жизненных интересов людей, сколько в области массового человекоубийства. Некрофил - запоздалое дитя рассудочной эпохи, отпрыск абстрактной логики, презревшей полнокровие жизни, чадо мертвящих цивилизационных структур, плод технического сумасшествия, неожиданный итог незавершенности, открытости человека, одна из альтернатив человеческой эволюции.

Сотворив надприродный мир, человек стал утрачивать природные корни и устремился в мир артефактов. Природа оказалась им же растерзанной. Человек вдруг обнаружил в себе поразительный синдром разрушительности. Осознавая, что природа - его единственный шаг к спасению, он начал жечь, расщеплять и взрывать ее. В нем пробудились инстинкты погромности, вакханальные страсти обуяли его на краю пропасти...

Индустриальное общество располагает особой техникой инспирирования массовых некрофильских страстей. Современная цивилизация порождает миллионные массы отчужденных людей, каждый из которых воспринимает себя и свое тело как отвлеченные средства для достижения собственных успехов. Все сферы человеческой деятельности омерщвлены и механизированы. Некрофильство - потенциальная опора для диктатур, рассадник безразличного отношения к другим, источник агрессивного поведения. Без мобилизации некрофильских тенденций немислим не один террористический акт, который исходит из порожденных ранее: немотивированной жестокости, злобности, дистрофии интуиции и чувств, малодушия.

Работа Фромма не только содержит философско-антропологические исследования, прозрения и открытия, она заставляет аналитично с предельным вниманием отнестись к проблеме деструктивного поведения. Жизнь человеческого рода, если не соотнести ее с предостережениями философской антропологии, может быть чревата глубинными разрушительными последствиями. Они пагубны не только для социума, но способны деформировать самого человека, его природу. Эти размышления, направленные на насыщение человеческой души *любовью к жизни*, способны придать этической рефлексии Фромма социальную глубину и значимость.

Агрессия в процессе развития морально - этических норм человеческой цивилизации должна из деструктивных пороков сублимироваться в качество положительное, направленное по конструктивному руслу созидания. Это прежде всего должно проявляться в развитии чувств обратных Злу, это - любовь, добро, взаимопомощь, то есть все то что отличает человека разумного от животного мира, что позволяет встать на путь высшего духовного развития личности. Многие великие моралисты призывали человечество в разные эпохи развития нашей цивилизации встать на путь *“исправления душевных пороков и алчных страстей людских”* (Н. Бердяев). Заповедь из нагорной проповеди Иисуса Христа: *“Любите врагов ваших!”* - всегда была наиболее трудна для принятия каждым человеком для себя, не говоря уже о постоянном ее выполнении. Чтобы понять и принять это к действию, нужно *“подняться до такого высокого состояния души, когда все пороки человеческие, та боль, которую хотят тебе причинить враги твою, показались бы той “Суеютой суею”, которая не стоит внимания, мелочность и низость которой заслуживает прощения тому, кто сотворил зло против вас, ибо он по незнанию или нищете духовной не ведал, что творил...”* - так писал выдающийся философ-моралист нашей эпохи Николай Бердяев. Конечно, легко любить тех, кто заботиться о тебе, проявляет по отношению к нам уважение и любовь, но как любить тех, кто тайно или явно старается возобладать над тобой, унижая твоё достоинство, делая тебе больно. Как найти в себе силы и не ударить в ответ, а наоборот, *“подставить другую щеку?”* Во-первых, мы должны развить в себе умение прощать, так как лишенный силы прощения лишен и силы любви. В нашем сердце не найдется места и капли любви к врагам, если мы не поймем того, что необходимо прощать научиться прощать вновь и вновь тех, кто несет нам несчастья и мучения. Надо также понять, что прощать должен пострадавший, испытывающий боль и страдания, жертва мучительной несправедливости, униженный и оскорбленный, для того, чтобы стать еще духовнее, так как само страдание приводит к просветлению души.

Всепрощение - это не игнорирование того, что было сделано или представление зла добром. Скорее, оно означает, что содеянное зло не является преградой на пути установления взаимоотношений, необходимых для совершения новых шагов, для начала новой жизни. Прощение жизни. Прощение означает примирение, воссоединение вновь. Без этого ни один человек не в состоянии возлюбить своих недоброжелателей и врагов. Степень прощения определяет степень нашей любви к врагам.

Во-вторых, мы должны понять, что зло, творимое ближним нашим - врагом, причина наших страданий, никогда не отражает всей сущности этого человека. Элементы

человека. Элементы добра можно найти в характере даже наизлейших наших врагов. Что-то внутри нас заставляет нас сокрушаться вместе с римским поэтом Овидием: *“Я -сторонник добра, но в своих поступках руководствуюсь злом.”* Или соглашаться древнегреческим философом Платоном: *“Человеческий характер - это колесничий, управляющий двумя конями, каждый из которых тянет в свою сторону.”* Или повторять вслед за апостолом Павлом: *“Доброго, которого хочу не делаю, а злое, которое не хочу, делаю почти всегда.”*

Когда мы смотрим вглубь проблемы, ищем причины содеянного в порыве зла мы находим в ближнем нашем - враге частицы добра и понимаем, что порочность его деяний не дает нам полной картины об этом человеке. Мы начинаем его видеть в новом свете. Мы осознаем, что его ненависть и ненависть агрессия по отношению к нам является результатом страха, гордыни, незнания, предубеждений и отсутствия взаимопонимания.

В-третьих, мы должны искать не поражения или уничтожения нашего врага, желать ему зла, применяя древний лозунг мщения *“око за око”*, а искать его дружбы, добиваясь дружбы, добиваясь с ним взаимопонимания и согласия, искать компромиссное решение проблемы вызвавшей конфликт.

Смысл любви не следует путать с сентиментальным излиянием чувств. Возможно, воспользовавшись богатым культурным наследием древнегреческой культуры, мы привнесем ясность в данный вопрос. Греческий текст Нового Завета использует три слова для обозначения чувства, обозначаемого нами как любовь. *“Эрослюбовь.”* *“Эрос”* - это эстетическая, романтическая любовь, как характеризует ее Платон в своих *“Диалогах”*, *“божественное устремление души”*. Второе слово *“филия”* - это любовь взаимная, душевная привязанность, близость друзей, то есть мы любим тех, кто любит нас, и любим потому, что любимы сами. Третье слово *“агапэ”* - согласие и созидательная всепрощающая добросердечность между всеми людьми.

Приказывая нам *любить врагов наших* Иисус не имеет в виду *эрос* или *филию*. Он говорит об *агапэ* - согласии и созидательной, всепрощающей добросердечности. в отношениях между людьми. Ненависть в ответ на ненависть лишь умножает ненависть, насилие порождает еще большее насилие, сгущая мрак на небе, и так лишенном звезд. Мрак не может рассеять темноту. И только свет любви способен победить эту безумную мглу. Цепную реакцию зла: ненависть рождает ненависть, война рождает новые войны - должна быть прервана, или же все человечество неотвратимо устремиться в темную бездну взаимного уничтожения.

Еще одна причина по которой мы должны возлюбить наших врагов: ненависть оставляет глубокие рубцы злопамятства, уродуя человеческую личность. Но существует еще одна сторона вопроса, которую мы ни в коем случае не должны выпускать из вида. Ненависть и порождаемое ей насилие по отношению к другим людям не менее губительна и для ненавистника-агрессора, так как она полностью подчиняет его себе волю, мысли и чувства, неотвратимо разъедает личность человека и способность мыслить объективно; ведь не даром в народе говорят: *“Ненависть слепа”*.

Третья причина, по которой мы должны возлюбить врагов наших: всепрощающая любовь является единственной силой, способной укротить ненависть, превратить злейшего противника в союзника, а из врага сделать друга.

Существует устойчивый общественный стереотип, рассматривающий ненасилие как социальную пассивность и психологическую трусость, полное отсутствие мужества и нерешительность дать отпор агрессивному выпад. Здесь важным моментом является уточнение того о чем идет речь, а именно, следует провести различие между понятиями силы и насилия. Насилие, прежде всего, есть разрушительная сила, точнее было бы

сказать, саморазрушительная, ибо в своем последовательном осуществлении как абсолютное зло, оно оборачивается против самого себя. Агрессия рождает аутоагрессию, деструктивность ведет к распаду личности. Сила же является неотъемлемым фундаментальным свойством как витального так и социального бытия человека: в витальном плане можно сослаться на агрессивность, как средство выживания, инстинктивную реакцию самообороны и естественный ответ на оскорбление достоинства, а в социальном плане как политику, которая, и есть ни что иное как осуществляемое в определенных общественных целях эффективное применение силового фактора. Занимая столь важное место в общественном процессе, сила не может иметь только разрушительную форму своего выражения, она также имеет ряд конструктивных моментов, являясь защитой созидających. Более того, эта форма силы на может быть преобладающей. Ненасилие как раз является позитивным, конструктивным выражением силы, так как оно тоже есть сила, при том более могущественная чем насилие.

Ненасилие нельзя путать с пассивностью. Пассивность представляет собой вызванную отсутствием силы капитуляцию перед несправедливостью. И поэтому пассивность заслуживает более негативной нравственной оценки. Более того, по сравнению с ней насилие в качестве ответа на несправедливость является позицией более предпочтительной и достойной; при этом нельзя забывать, что насилие, конечно, является ложным путем, но все-таки это путь активного неприятия несправедливости и борьбы со злом. Сторонники ненасильственной борьбы хорошо знают и придают программное значение словам М. Ганди о том, что *“насильственное сопротивление лучше, чем трусость”*. Отождествлять ненасилие с пассивностью - значит не понимать его природы, так как помимо огромной внутренней и духовной активности, направленной помимо всего прочего на преодоление страха. Ненасилие в практическом аспекте предполагает продуманную наступательную тактику, деятельность, противостояние и воздействие на людей с целью вызвать изменение их позиции. Ненасилие есть сила бесстрашия, сила в ее могущественном и созидательном, а также наиболее полном, охватывающем чувственную, волевою и духовную сферы, проявлений. Мало сказать, что ненасилие органически сопряжено с мужеством, Оно в историческом плане поднимает мужество на новый уровень, придает ему адекватную современной эпохе форму.

Ненасилие не является абстрактной нормой, которую остается лишь везде употреблять как руководство к действию; оно - не состояние души, которое кем-то и когда-то может быть достигнуто. Оно прежде всего представляет собой ни что иное как *“ненасильственно направленную силу любви”*, борьбу против зла, за выправление отношений в мире, и очищения собственной души от ненависти, злобы и мракобесия. Оно не отсекает, а именно выправляет деформации человеческой души, порожденные агрессией и насилием, так как имея в себе силы, чтобы противостоять и противиться злу с трезвым сознанием того, что противостояние это не является единовременным актом, и вообще, является процессом непрерывным. Если не бояться тавтологии, то можно сказать, что оно является ненасильственным путем к ненасилию вообще. Это - не усилие, которое должно привести к истине, это - истина, которая состоит в усилии. И мужество, которое требуется для ненасильственной борьбы и формируется под ее влиянием, есть мужество ответственного существования в этом прекрасном, но несовершенном мире борьбы с насилием, пороками людскими и каждого самим с собой.

Специальный анализ показывает, что неравномерный процесс устойчив в том случае, когда он подкреплен необходимой сложностью вещественной организации, а также качеством информационного содержания и обеспечения. Чем более сложна среда, соответственно и условия конкурентной борьбы за свободную энергию, тем более динамичная и репрезентативная модель мира требуется в качестве средства управления поведением. В этом смысле интеллект - есть орган антиэнтропийной

активности, назначение которого состоит в том, чтобы обеспечить надежное поступление в организм свободной энергии, извлекаемой из других организмов, при минимуме энергетических затрат, иначе говоря, интеллект - это оптимальные агрессии и защиты индивидуума .

Многие выдающиеся ученые, мыслители и гуманисты не раз думали о путях спасения человечества, биосферы и всей жизни на нашей планете в наш бурный век, когда научно-технический прогресс развивается семимильными шагами, человеческая природа находится сжатой в тисках чудовищной, экологически запредельной индустриализации. Этот принцип открыл великий гуманист нашего времени Альберт Швейцер . Он писал: *"За работой я уяснил для себя связь, между культурой и мировоззрением. Я понял, что катастрофа культуры является следствием катастрофы... Культура - это духовный и материальный прогресс во всех областях , которому сопутствует нравственное развитие человека и человечества... Главная задача культуры - нравственное усовершенствование как индивидуума, так и общества в целом. В тоже время любой духовный и материальный прогресс имеет культурное значение. Стремление к культуре есть, следовательно, всеобщее стремление к прогрессу, превыше всего ставящее отеческое начало."* А. Швейцер утверждает: *" Человек, отныне ставший мыслящим, испытывает потребность относится к любой форме жизни с тем же благоговением, что и к собственной. Он ощущает другую жизнь как часть своей . Благосчитает он сохранять жизнь, помогать ей; поднимать до высшего уровня жизнь, способную к развитию, злом - Уничтожать жизнь, вредить ей, подавлять жизнь... Этика благоговения перед жизнью , таким образом , объемлет все, что все, что можно назвать любовью, преданностью, сопереживанием в горе и в радости и сопричастностью."*

С первых лет после открытия своего принципа А.Швейцер мучительно и непрерывно искал ответ на один из сложнейших вопросов, еще и сегодня не ставший в свой полный рост перед человечеством - это кардинальный вопрос о сущности человеческой. Принцип благоговения перед жизнью однозначно решает *" вопрос о запрете любых форм убийства человека человеком"*. Позиция Швейцера в вопросе пристрастия человека к животной мясной пище однозначна - человек в будущем должен прекратить умерщвление животных и использование их в качестве пищи.

В практической реализации принципа благоговения перед жизнью есть и еще две безмерно сложных проблемы, которые с философской и методологической точек зрения кажутся сегодня сверхсложной задачей. Первая из этих проблем - проблема *борьбы с вредителями* сельского и лесного хозяйства, животными - хищниками и паразитами, а также возбудителями болезни животных и человека. Мы не склонны преуменьшать трудности практического разрешения этой проблемы, но теоретически современные экологи уже могут дать обнадеживающий ответ. В абстрактно - теоретической форме ответ довольно прост: современная экология позволяет человеку так организовывать и оптимизировать структуру и динамику природных антропогенных экологических систем, что сами связи, отношения организмов, создаваемый ими химизм Среды сверхсложных систем будут в состоянии не только сдерживать, но и исключать существование самих *вредных или болезнетворных* форм жизни. Вторая проблема о которой в рамках настоящей работы я могу лишь упомянуть, это проблема , рождает еще вчера невиданную по своей эстетической сложности ситуацию - человечество сегодня стоит на пороге раскрытия одной из глубочайших тайн мироздания - тайны *мышления* животных. Если эта тайна будет раскрыта, нас ожидают гигантские нравственные потрясения, они повлекут к необходимости стремительной переоценки основ нашего общения с миром животных. В конечном счете они неизбежно приведут к решительной переоценке всего жизненного механизма биосферы, кардинальном изменении нашего взгляда на феномен самого человека, на его исторические задачи функционирования биосферы, наконец - его задачи во Вселенной. Этот

гуманистический радикализм раскрывает от части корни наших бед и пытается освободить человека из плена иллюзий. Он заявляет о необходимости радикальных перемен - не только в экономических и политических структурах, но и в наших личностных и поведенческих структурах, то есть во всей системе ценностных ориентаций человека. Агрессивность и методы направления ее в конструктивное русло созидания - это краеугольный камень преткновения во главе столкновений общественной морали и человеческой природы. На сегодняшний день положение человечества слишком серьезно, чтобы мы могли себе позволить прислушиваться к деструктивно настроенным демагогам или же идти на поводу у таких лидеров, которые руководствуются в жизни только рассудком, не включая ни сердце, ни эмоции. Хочется закончить словами великого мыслителя нашей эпохи, впервые попытавшегося собрать воедино те знания, которые накопило человечество относительно проблемы агрессии, Эриха Фромма: *"Радикальный критический разум лишь тогда бывает плодотворным, когда он выступает в единстве с бесценным человеческим даром, имя которому - любовь к жизни во всех ее проявлениях."*

Список используемой литературы:

1. Адлер А. "О нервическом характере"- АСТ "Университетская книга", С.-Петербург, 1997г, стр.281-288.
2. Басс А.Г. "Психология агрессии" - журнал "Вопросы психологии", №3, 1967г, стр 60-67.
3. Н. Бердяев Н.А. "О назначении человека" - Москва, "Мысль", 1990 год, стр.55-63.
4. Вундт В. "Введение в философию" - Москва, "Добросвет", 1998 год, стр. 174-187.
5. Ганди М.К. "Моя вера в ненасилие"- журнал "Вопросы философии" 1993 год, №3, стр.65-71.
6. Гжегорчик А. "Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия"- журнал "Вопросы философии" 1992 год, № 3, стр.54-61.
7. Гитин В.Г. "Это жестокое животное - мужчина" - Харьков, "Торгсинг", 1997 год, стр 35-87.
8. "История философии и вопросы культуры" сборник, - Москва, "Мысль", 1975 год.
9. Кант.И. "Критика практического разума", - Сочинения, том 4, ч. 1, Москва, "Наука", 1965 год, стр.499.
10. Ле Бон Г. "Психология толп", - Москва, Изд-во "КСП+" Институт психологии РАН, 1998 год, стр.188.
11. Ломброзо Ч."Преступный Человек", Москва, 1906 год.
12. Лоренц К. "Агрессия (так называемое зло)"- журнал "Вопросы философии", № 3, 1992 год, стр. 5-54.
13. Таранов П.С. "Философия изнутри: рассекречивание природы и сущности философии" -в 2 томах, Москва, 1996 год.
14. "Философская афористика"- сборник под редакцией П.С.Таранова, Москва, "Остожье" 1998 год.
15. Фрейд З."Групповая психология и анализ "Я"- Москва, "Мысль", 1990 год, стр.264.
16. Фромм Э."Бегство от свободы"- Москва, "Прогресс", 1992 год, стр.211
17. Фромм Э. "Анатомия человеческой деструктивности" - Москва, "Республика", 1994 год, 410 стр.
18. Хьел Л. "Теории личности" - С.-Питербург, "Питер-Пресс", 1997 год.
19. Швейцер А. "Культура и этика" - Минск, Издатель В.П. Ильин, 1997г.